

таксис, как и представляемое в речи время, неотделимо связаны с точкой зрения интерпретации [1, с.112-114] говорящего субъекта и конструируемой им ситуацией речи. Правомерна позиция Г.А. Золотовой: «Фигура говорящего / наблюдателя с ее меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста и одушевляет грамматику. Поиски очеловеченного представления языковой системы, раздвигая границы грамматической компетенции, подводят более аргументированную лингвистическую базу под филологические исследования и поднимают грамматику на уровень современных гуманитарных задач, способствуя «раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом» [8, с.113].

Перейдем непосредственно к обсуждению вопросов, связанных с идеей времени и местом таксиса в этой системе.

Так как понятие таксиса вошло в лингвистический обиход сравнительно поздно, то оно оказалось в кругу других категорий, что потребовало от лингвистов определения отношений между таксисом, предикативностью и дейксисом, таксисом и эвиденциальностью, таксисом, относительным временем и видом; в категориях темпоральности, временной локализованности, аспектуальности и временного порядка [3; 4; 8; 10].

Перечислим семантические категории, связанные с идеей времени: аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, временной порядок. Временная ориентация в них направлена на выражение таких семантических разновидностей, как: предшествование-следование и одновременность; характер протекания и распределения действия во времени; ориентация на момент речи, временной дейксис; единичность/ повторяемость, конкретность/ абстрактность динамичность «наступлений фактов» (смены ситуаций) и статичность длительностей.

Попытаемся проанализировать основания для соединения или противопоставления всех перечисленных семантических категорий и сделать вывод о том, что сама задача установления границ таксиса актуальна для категориально-морфологического подхода. Особенностью этого подхода является то, что таксис понимается как один из способов воплощения идеи времени. Категория таксиса при этом сближается с понятием «синтаксический режим интерпретации» Е.В. Падучевой [9, с.231-233].

Таксис соотносится также с понятиями «возникновение новой ситуации» как аспектуальной функции, реализующейся в различных условиях, в том числе и в монопредикативных высказываниях [7, с.24-27], и «секвентность» как таксисное в своей основе отношение, выражаемое в полипредикативных конструкциях и их сочетаемость в тексте [8, с.108-112].

Временной порядок трактуется А.В. Бондарко как «отражаемое в высказывании и целостном тексте

языковое представление «времени в событии», т.е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями времени и интервалов» [3, с.96]. Поэтому языковое представление временного порядка отражает человеческое представление о времени, осмысливаемое в работах по философии, хотя структуру его в тексте образуют различные комбинации динамичности «наступлений фактов» («возникновение новых ситуаций») и статичности «длительностей («данных ситуаций»)» в сочетании с обозначением интервалов между действиями.

Следовательно, временной порядок – это особая семантическая категория, более широкая и объемная, чем таксис, аспектуальность, темпоральность и временная локализованность, так как «временной порядок возможен в такой области, которая не имеет никакого пространственного порядка, а именно в сфере психического опыта человека» [6, с.130]. Специфика исследования категории временного порядка заключается в доминирующей направленности анализа на изучение репрезентации ее в высказывании и целостном тексте. Что касается взаимосвязи временного порядка и аспектуальности, то характер этой связи связан с подходом к видовым значениям, который выявляет соотношение предела и наступления нового состояния в разных типах глагольной лексики, основанного на признаках ограниченности действия пределом и целостности.

В структуре временного порядка, выступающего в тексте, основным средством выражения динамичности сменяющихся друг друга ситуаций является последовательность форм СВ, а основным средством выражения статичности – формы НСВ с учетом разных способов глагольного действия. Категория вида служит одним из примеров не-шифтера, связанного с выражением идеи времени (Р.О. Якобсон обозначает ее формулой E_n), поскольку здесь действие (факт, событие) характеризуется по своим внутренним временным параметрам, само по себе, безотносительно к факту сообщения). Выше уже указывалось, что, согласно Р.О. Якобсону, «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [1, с.111]. Таким образом, таксис – это коннекторная и одновременно нешифтерная категория.

На наш взгляд, данное положение является у Р.О. Якобсона ключевым в его общей концепции таксиса, поскольку оно отражает наиболее специфические признаки данной категории. Можно, пожалуй, даже утверждать, что нешифтерность и коннекторность составляют базовые признаки таксиса. Отсюда и указанная выше формула таксиса, записанная самим Р.О. Якобсоном как $(E_n E_n)$. С этими базовыми признаками могут совмещаться и другие семантические признаки, такие как одновременность сообщаемых фактов, предшествование одного из них другому, уступительная связь, прерывание и т.п. [1, с.112].

Хронологические отношения между действиями являются производными от аспектуальной характеристики глагольных форм. Поэтому это всегда аспектуально-таксисные ситуации (далее – АТС). Отношение следования и последовательности между глаголами СВ в полипредикативном комплексе будет определенным, если наблюдателю, занимающему ретроспективную позицию, точка отсчета известна, если нет – то это «цепь совмещенных состояний» [9, с.295].

Наиболее существенная сторона взаимосвязи семантической категории временного порядка и темпоральности заключается в том, что ориентация времени действия на момент речи или на другую точку отсчета осуществляется в рамках временного порядка. Как утверждает А.В. Бондарко, «для вопроса о соотношении временного порядка и временного дейксиса существенно разграничение типов высказываний с точки зрения их отношения к ситуации речи» [3, с.117-118]. Действительно, прототипический временной дейксис выступает в ситуативно актуализированной речи как осознаваемая участниками речевого акта и существенная для смысла высказывания характеристика действия как прошедшего, будущего или настоящего.

С семантической точки зрения между временным порядком и темпоральностью устанавливаются отношения взаимозависимости: с точки зрения способа представления времени они могут передаваться как в монопредикативных, так и в полипредикативных высказываниях. Традиционная грамматическая категория времени является типичным примером шифтера. Содержание ее следующее: «Время характеризует сообщаемый факт по отношению к факту сообщения. Так, прошедшее время показывает, что сообщаемый факт предшествует факту сообщения» [1, с.111].

Говоря о временном порядке в его отношении к таксису и временной локализованности, следует отметить, что семантическая категория временного порядка и таксиса частично пересекаются в рамках лишь полипредикативных высказываний, где они могут быть представлены фрагментом, включающим две точки (или более) на оси времени и временные соотношения между ними с точки зрения последовательности или одновременности. В монопредикативных высказываниях таксис отсутствует.

Существенное различие заключается в общей ориентации рассматриваемых понятий. Понятие временного порядка ориентировано на «характеристику аспектуально-темпоральной структуры текста, на отражение в нем человеческого представления о течении времени, воплощенном в осуществлении фактов и протекания процессов» [7, с.21], в то время как семантика хронологического таксиса ориентируется на одновременность / разновременность действий с учетом характера протекания и распределения действий во времени.

Семантика временного порядка взаимодействует и с категорией временной локализованности / не локализованности действий во времени. Семанти-

ческая категория временной локализованности / не локализованности и вариативность ситуаций не локализованности определяются на основании двух типов пересекающихся противопоставлений: единичности / повторяемости (действие может быть повторяющимся и в то же время локализованным во времени) и конкретности / абстрактности (конкретных, осуществляющихся в какое-то время, и абстрактных, не связанных со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, обладающих лишь одной значимостью). Однако отношения временного порядка и тем более таксиса не представлены при выражении вневременности типа «*Рука руку моет*». Это лишь один из типов не локализованности действий [3, с. 270], когда абстрагирование от конкретного момента или отрезка времени достигает своего предела; тогда как сами ситуации характеризуются максимальной степенью генерализации субъекта, принципиальной невозможностью пространственно-временных ограничений, а также специфической позицией говорящего, который становится выразителем общечеловеческого опыта.

Таким образом, таксис пересекается в едином комплексе временного порядка, аспектуальности, темпоральности и временной локализованности. Поэтому разграничение и соотнесение всех семантических категорий, отражающих разные стороны идеи времени, позволяют более полно представить общую систему языковой интерпретации понятия времени и роль каждого компонента в этой системе.

Вместе с тем, следует также отметить, что семантический потенциал таксиса формируется в результате межкатегориального взаимодействия, охватывающего также и категорию модальности, например, в сфере будущего времени как гипотетической, предположительной модальности субъекта, что обусловлено особенностями представления будущего времени в сознании воспринимающего субъекта.

Представляется, что в основу определения категории таксиса дополнительно следует положить не только общность временного плана двух событий (как это делается в «Теории функциональной грамматики»), а субъектное единство модуса (в сфере зависимого таксиса), тогда таксис будет представлять собой «грамматическое отношение между двумя предикативными единицами по категориям темпоральности, модальности и персональности (субъекта) в рамках единого субъектно-модусного плана. Таксисная связь может отражать (1) объективную пространственно-временную смежность двух положений дел в сфере одного субъекта диктума; (2) связь между двумя положениями дел, не соположенными ни во времени, ни в пространстве, соединяющимися в рамках одного сознания; (3) два взгляда одного субъекта модуса на одно объективное положение дел».

При коммуникативно-синтаксическом подходе основное внимание уделяется механизму грамматической связности текста, т.е. совпадению / несов-

падению двух предикатов по каждой из трех предикативных категорий.

Итак, концептуальной базой исследования послужили принципы функциональной грамматики, определившие целесообразность рассмотрения семантики таксиса в рамках данного направления, идея многоаспектного изучения семантики языковых единиц, позволившая определенным образом «препарировать» семантику таксиса, выявить ее пласты и механизм взаимодействия разнообразных языковых элементов, относящихся к разным уровням языковой системы. Такая функционально-грамматическая направленность работы позволяет, представив каждый из типов семантики таксиса в виде определенной структуры, выявить специфику семантики таксиса, глубоко развитую систему субкатегориальных значений.

1. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С.95-113.

2. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л.: ЛГУ, 1978. – С.4-44.

3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

4. Нуртазина М.Б. Опыт функционально-коммуникативной интерпретации семантики таксиса. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – 334 с.

5. Ахметжанова З.К. Функционально-семантические поля русского и казахского языков: Опыт сопос. иссл. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 108 с.

6. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – 362 с.

7. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 480 с.

8. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – № 1. – 2001. – С. 107-113.

9. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

10. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 509 с.

11. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. – М.: Знак, 2009. – 912 с.

М. Б. Нуртазина

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ТИПЫ ТАКСИСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИНВАРИАНТНОСТИ / ВАРИАТИВНОСТИ И ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Комплексное изучение механизмов формирования временной соотнесенности действий в рамках целостного временного периода предполагает качественно новое направление поиска, интегрирующее собственно лингвистическое, семантическое рассмотрение компонентов с прагматической интерпретацией, включающей факторы экстралингвистические, исследование динамики реализации данной семантики в конкретных условиях речевого общения.

Исследование таксиса как полистатусной когнитивной категории, широкий спектр репрезентации значений которой проявляется в тексте в составе дискурса, на наш взгляд, логично вписывается в проблематику той версии когнитивизма, которую Е.С. Кубрякова назвала «когнитивно-дискурсивной» [1, с.406]. Для таких когнитивно ориентированных исследований характерно понимание размытости границ категорий и изучение прототипического принципа их внутренней организации. Подчеркивая, что семантика таксиса далеко не всегда заключается в выражении хронологических отношений одновременности / неодновременности (предшествования – следования), мы исходим из необходимости уделять особое внимание языковой интерпретации исследуемых отношений.

Как один из принципов исследования семантики таксиса мы рассматриваем инвариантность/вариативность и прототипичность. Инвариантность / вариативность как принцип устройства языка и

функционирования языковых единиц в речи рассматривается в работах последних десятилетий в разных аспектах. Так, например, в теории Р.О. Якобсона принцип инвариантности/вариативности характеризовался как соотношение языкового кода, с одной стороны, и различных подходов как функциональных вариантов языка, с другой стороны, так и вариативность степени эксплицитности vs. эллиптичности языковых моделей, вариативность стилей и вариативность типов речи [2, с.381]. Идея инвариантности Р.О. Якобсоном раскрывается в функциональном аспекте как инвариантность значимостей в системе языковых знаков, являющаяся основой целевого подхода к языку, интегрируются они в целостной системно-функциональной концепции.

Истолкование понятий инварианта и прототипа в настоящем исследовании сочетается с анализом семантических категорий и категориальных ситуаций в системе ФСП таксиса.

Целесообразность совмещения принципов инвариантности и прототипичности при описании семантических категорий уже обсуждалась в лингвистической литературе в работах L. Karttunen [3, с.341-342], А. Вежбицкой [4, с.31,44-53], Е.В. Петрухиной [5, с. 48], Ю.Д. Апресяна [6, с.116-124], А.В. Бондарко [7, с. 45-49], Н.Н. Болдырева [8] и др. Кроме того, вопрос об инвариантности / вариативности входит в широкую проблематику системной

категоризации, так как «постоянное, всеобъемлющее, исполненное глубокого смысла взаимодействие инвариантов и вариантов является существенным, сокровенным свойством языка на всех его уровнях» [2, с. 310]. А.В. Бондарко вводит в характеристику «лингвистических инвариантов» указание на то, чем обусловлена вариативность: «инвариант как элемент определенной системы подвергается преобразованиям в результате взаимодействия системы и среды» [7, с.24], при этом «среда трактуется как множество языковых элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию» [7, с. 27-29].

Оригинальный подход к семантической характеристике грамматических форм, базирующийся на признании различий грамматических значений с точки зрения их структуры, содержится в работах В.Г. Адмони [9, с.22-36], в которых обобщенное значение грамматических форм трактуется им как система, имеющая полевую структуру, соотношение центра (доминанты системы), где сосредоточены специфические признаки данного значения, и периферия, характеризующаяся разреженностью признаков, их неполнотой; важной особенностью полевой структуры являются также постепенные переходы, различные типы недискретности и континуальности [9, с. 29].

Примечательны также суждения А.М. Пешковского: «Объединение же форм со стороны значения может осуществляться при помощи 1) единого значения; 2) единого комплекса однородных значений; 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм» [10, с. 27].

В настоящем исследовании роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения глаголов и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на реализацию таксисной семантики, а также элементы «категориального окружения» – другие грамматические категории, взаимодействующие с таксисом как исходной системой. Так, варианты значений, выражаемых при употреблении форм СВ и НСВ при выражении таксисных значений, зависят от элементов контекста типа *вдруг, медленно, постепенно, иногда, часто* и т.п., от лексического значения глагола, его принадлежности к разряду предельных или неопредельных глаголов и к тому или иному способу действия, от воздействия со стороны категорий времени, вида, наклонения, лица и залога.

Вместе с тем, следует учитывать, если рассматривается соотношение общих значений форм СВ и НСВ (инвариантов) и частных значений (ср. *конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное и суммарное значения*), выражаемые при употреблении СВ, и такие частные значения НСВ, как *конкретно-процессное, неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое*, то в центре внимания находится не деление родового понятия на понятия видовые, а отношение глубинного системно-

языкового основания рассматриваемой семантики (категориальных значений СВ и НСВ как членов привативной оппозиции) и значений, выражаемых в различных условиях речи в вариантах, зависящих от лексики, контекста, речевой ситуации, т.е. от разных типов окружающей среды. Причем функции, реализуемые в речи, могут существенно модифицировать системное значение, заложенное в грамматической форме.

Среди семантических инвариантов выделяются значения грамматических форм как инварианты в сфере семантических категорий, выражаемых сочетаниями морфологических, синтаксических, лексико-грамматических и лексических средств. Это такие категории и функционально-семантические поля в системе разрабатываемой А.В. Бондарко модели ФГ, как аспектуальность, временная локализованность, темпоральность, таксис, модальность, обусловленность, поэтому «семантические категории могут рассматриваться как инварианты и в сфере «глубинной семантики», и при анализе разноуровневых элементов функционально-семантических полей определенного языка» [7, с.8].

Теория прототипов рассматривалась в научной литературе под разными углами зрения и предполагает, что категории выступают в «лучших примерах» [2; 3; 4; 5; 7], а потому сходны с оппозицией «центр-периферия». Как отмечает А.В. Бондарко, «отношения, рассматриваемые в терминах теории прототипов, по многим параметрам сходны с оппозицией «центр – периферия», в том числе и по таким параметрам, как: 1) наибольшая специфичность – концентрация специфических признаков данного объекта, в отличие от разреженности таких признаков на периферии; 2) способность к воздействию на другие варианты, статус «источника производности»; 3) наиболее высокая степень регулярности функционирования [7, с.15-17]. Иными словами, в прототипе сохраняются все инвариантные признаки, но они воплощены в конкретных вариантах. Наиболее полное определение, принимаемое нами, дается А.В. Бондарко: «прототип – это наиболее репрезентативный / канонический, эталонный вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью + концентрацией специфических признаков данного объекта, способностью к воздействию на производные варианты (признак «источник производности») и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [7, с. 263-265].

Особого комментария заслуживает, по нашему мнению, «статус источника производности», так как прототип в отличие от инварианта как теоретической абстракции характеризуется тем, что обладает «признаками и свойствами разного веса, т.е. не только необходимыми и достаточными признаками, но и такими, которые реально сопутствуют «лучшему образцу», не препятствуют реализации состояния, закреплены в сознании говорящих как атрибут данной семантики. Если рассматривать